

Министерство культуры Пермского края
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
Государственное бюджетное учреждение культуры
Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории политических
репрессий “Пермь-36”»
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В 1920–1950 гг. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

*Материалы
IV Всероссийской научно-практической конференции
(Пермь, 30–31 октября 2019 г.)*

Пермь 2020

УДК 94.470
ББК 60.52
Т25

Т25 **Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 30–31 октября 2019 г.). – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. – 153 с.**

ISBN 978-5-398-02346-6

Издание включает в себя статьи историков, музейных работников и краеведов из Санкт-Петербурга, Сарапула, Игарки, Перми, Чердыни, Кунгура и Ильинского, посвященные непростым судьбам творческой интеллигенции во времена советской власти. Территория Прикамья и Пермского края для многих из них стала местом ссылки, тюремного или лагерного заключения. Творчество могло спасти человека в суровых условиях несвободы, как в физическом плане, так и в духовном. С одной стороны, художественные или архитектурные мастерские, лагерный театр, научные исследования давали возможность не идти на «общие» – часто ведущие к истощению и смерти – работы, сохранить и даже приумножить творческий талант. С другой стороны, именно представители творческой интеллигенции создавали идеологические клише и самые настоящие произведения, наполненные пропагандой нового строя, нового человека, что зачастую воплощалось в тех же лагерных художественных мастерских, в постановках культурно-воспитательной части и, конечно, в творчестве писателей, художников, поэтов на воле.

Пребывание представителей творческой интеллигенции на территории Прикамья и Пермского края значительно обогатило местную культуру, отразилось в их творчестве и судьбе. Через изучение творчества судеб конкретных людей исследователи выходят на общее понимание проблемы личности и власти в тоталитарном государстве и, особенно, творческой личности, часто не соответствующей жестким шаблонам и стандартам идеологии сталинизма.

Ответственный редактор Ю.З. Кантор,
редактор-составитель С.А. Шевырин

УДК 94.470
ББК 60.52

ISBN 978-5-398-02346-6

© ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”», 2020

**БИЛЕТ НА «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД».
АРХИВНОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО МИХАИЛА ОСОРГИНА**

Ю.З. Кантор,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
juliakantor@yandex.ru*

Аннотация. Впервые публикуются фрагменты документов из архивного следственного дела на М.А. Осоргина, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. Этот уникальный исторический источник дает возможность рассмотреть алгоритм фабрикации обвинения, ход следствия, имевшего предпрешенный итог: высылку из страны без права возвращения. Также материалы дела позволяют составить представление о поведении М.А. Осоргина на Лубянке, о стратегии поведения и социально-политической рефлексии (выраженной в «аполитичных» декларациях), кроме того, почерпнуть информацию о его взглядах на эмигрантскую среду, частью которой ему вскоре предстояло стать.

Ключевые слова: высылка; допрос; Комитет помощи русской интеллигенции; ОГПУ; эмиграция.

**TICKET FOR THE «PHILOSOPHICAL STEAMER».
ARCHIVED INVESTIGATIVE CASE OF MIKHAIL OSORGIN**

Y. Kantor,
*doctor of historical Sciences, Professor of the chair
of General history, Herzen state pedagogical University
A.I. Herzen, St. Petersburg
juliakantor@yandex.ru*

Summary. The article for the first time publishes fragments of documents from the archival investigation file on M.A. Osorgin, stored in the Central archive of the FSB of Russia. This unique historical source makes it possible to consider the algorithm of fabrication of the accusation, the course of the investigation, which had a predetermined outcome: expulsion from the country

without the right of return. Also the case gives an idea about the behavior of M.A. Osorgin in the Lubyanka, the strategy of behavior, and socio-political reflection (expressed in the «apolitical» Deklaracija) in addition to enquire about his views on the emigrant environment, part of which he was soon to become.

Keywords: expulsion; interrogation; Committee of assistance to the Russian intelligentsia; OGPU; emigration.

«С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии культуры и науки» – гласит надпись на скромном гранитном обелиске на набережной Невы, близ моста Лейтенанта Шмидта (Николаевского). Обелиск установлен в память об одном из самых трагических событий в истории Советской России – высылки представителей инакомыслящей интеллигенции. Знаковое совпадение: «философские пароходы» отплывали осенью 1922 г. практически из той же точки, где же 25 октября 1917 г. стояла на рейде «Аврора».

Акция принудительной высылки лучшей части отечественной интеллигенции ознаменовала не столько начало политических репрессий, сколько раскол внутри русской культуры. С момента, как пароходы «Пруссия» и «Обербургомстр Хаген» отправились в свой исторический рейс, русская мысль перестала быть единым феноменом, культурным событием, – она трагически разделилась на Русское Зарубежье и Россию Советскую. Высылка приравнивалась к расстрелу, заменяя его. В дальнейшем, став прерогативой Президиума Верховного Совета СССР, именно высылка часто цинично называлась «истинной высшей мерой», так как лишала даже не жизни, а Родины.

Список высланных трагически огромен. Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, Юлий Айхенвальд, Николай Лосский, Александр Каган, Сергей Трубецкой... Одним из пассажиров первого «философского парохода» был литератор, философ и общественный деятель М.А. Осоргин. «Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов и позволила мне во всех скитаньях остаться простым, срединным провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием, сыном

земли и братом любого двуногого», – писал он [6, с. 46]. Он родился 7 октября 1878 года в Перми, принадлежал к родовой, но обедневшей дворянской семье. Ильины – род, ведущий свою родословную от Рюрика [1, с. 6]. Бабушка писателя со стороны отца, Андрея Федоровича Ильина, была урожденная Осоргина. С 1907 г. фамилия эта стала псевдонимом Михаила Ильина, сдвоилась с собственной фамилией, а затем в документах заменила ее. Еще гимназистом он начал печататься в пермских газетах. А его первый рассказ был опубликован в петербургском «Журнале для всех» под неслучайным псевдонимом «М. Пермьяк».

О своей роли в революционном движении Осоргин писал просто: «Был в революции незначущей пешкой, рядовым взволнованным интеллигентом» [7, с. 268]. Однако же был увлечен романтикой революционной борьбы, написал десятки воззваний, хранил типографский шрифт и оружие, укрывал беглых. На его квартире была явка, заседал комитет партии эсеров [1, с. 7]. «Помнится, и тов. Ленин, под кличкой Вл. Ильин, оказал честь моей квартире», – не без иронии рассказывал он позже [9, с. 91].

В декабре 1905 г. Михаил Ильин (еще не ставший Осоргиным) оказался в Таганской тюрьме. Ожидая смертного приговора, он сохранил бодрость духа, старался работать: писал дневник, впоследствии опубликованный, переводил с французского книгу Э. Долеанса «Роберт Оуэн». Через полгода чудом вышел на свободу: следователь выпустил под залог, а жандармерия, уже приготовившая его к пятилетней ссылке, не сразу спохватилась [1, с. 8]. Бежал в Финляндию, оттуда – в Италию. В августе 1916 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья Осоргина «Дым отечества», вызвавшая поток писем читателей, приветствовавших его возвращение домой. Он приехал в Петроград кружным путем – через Францию, Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию. Заступничество депутата Государственной думы В.А. Маклакова спасло от нового ареста [1, с. 10], но жил он все-таки на полулегальном положении. Это, впрочем, не помешало ему отправиться в путешествие по Волге, побывать в Перми на открытии университета, съездить на Западный фронт.

Февральская революция застала Осоргина в Москве, «...человеческая река по Тверской улице, – вспоминал он, – день общего сиянья, красных бантов, начала новой жизни. В сущности,

славен и чист был только этот день» [6, с. 237]. Октябрьского переворота Осоргин не принял. «Менять рабство на новое рабство – этому не стоило отдавать свою жизнь» [6, с. 236]. Книга «Из маленького домика», написанная в 1917–1919 гг., свидетельствовала о пережитых минутах отчаяния. Мысль о России, где «заблудилась и летает какая-то шальная пуля, выпущенная октябрьским пулеметчиком», где «нет способа, так жить, чтобы пуля эта вам не грозила», – не раз появится в его статьях и книгах [11, с. 217]. 26 октября 1917 г. Осоргин опубликовал статью «Драться так драться». «Нам не приходится учиться сопротивлению: оно нам хорошо знакомо», – констатировал он [2]. А сопротивляться мог одним – словом.

В августе 1918 г., когда под большевистским запретом оказалась вся независимая печать, Осоргин и несколько его товарищей, среди которых были искусствовед П.П. Муратов, поэт В.Ф. Ходасевич, прозаики Б.К. Зайцев и А.С. Яковлев, литературовед Б.А. Грифцов, философ Н.А. Бердяев, историк А.К. Джигелегов, открыли Книжную лавку писателей, ставшую точкой притяжения московской интеллигенции. «За прилавками у нас велись философские и литературные споры, в которых принимали участие и клиенты-завсегдатаи. Было тесно, дымно от печурки, тепло от валенок, холодно пальцам от книг, весело от присутствия живых людей и приятно от сознания, что дело наше и любопытно, и полезно, и единственно не казенное, живое, свое», – вспоминал Осоргин. Слово становилось делом [8, с. 39].

Одна из самых печальных страниц московской жизни Осоргина – история его участия во Всероссийском комитете помощи голодающим, просуществовавшем чуть больше месяца. Комитет помощи голодающим был образован 21 июля 1921 г. Возглавил его Л.Б. Каменев. В него вошли крупные писатели, деятели культуры (М. Горький, Б.К. Зайцев, К.С. Станиславский), ученые (президент Академии наук А.П. Карпинский, вице-президент В.А. Стеклов, академики В.Н. Ипатьев, А.В. Ферсман, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург) [5, с. 198–205].

Видное место в Комитете занимали Е.Д. Кускова, бывшие министры Временного правительства С.Н. Прокопович и Н.М. Кишкин. Существовала при Комитете и ячейка коммунистов, среди которых числились М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, Н.А. Семашко, А.В. Луначарский. Они обязывались следить, чтобы эта организация не исполь-

зовалась в контрреволюционных целях. Комитету удалось быстро развернуть работу, восстановить международные связи. «Несколько дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей – из Центра и Сибири, как в кассу общественного комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официально» [6, с. 268].

Осоргин редактировал газету Комитета «Помощь», но успел выпустить только три номера. Работа Комитета была прервана внезапным арестом его членов в конце августа 1921 г. Письма В.И. Ленина свидетельствуют, что Комитет, саркастически именуемый им «Кукиши» (по фамилии Кусковой и Кишкина), был обречен на гибель еще до своего официального создания. «Милая моя Семашка! <...>, – писал Ленин 12 июля 1921 г. – Не ревнуйте к Кусковой <...>. От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ничего. Не трудно, ей-ей, это сделать» [4, с. 24].

Фрицьоф Нансен, который в июне 1921 г. от имени Международного Красного Креста вел переговоры с советским правительством о посылке продовольствия в Петроград, решил назначить членов Комитета помощи голодающим своими представителями, осуществляющими надзор за распределением продуктов. Ленин был оскорблен этим «наглейшим предложением» Нансена, в успешной деятельности Комитета он видел угрозу для престижа новой власти. Последовала безапелляционная директива: «Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого “правительственного сообщения”»: распушен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать “Кукишей”. ...Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» [3, с. 141–142].

В 1921 г. Осоргин оказался на Лубянке – по делу всероссийского Комитета помощи голодающим, одним из основателей и членом которого был [14, АСД, р-41982, л. 23]. Арест за участие в Комитете помощи голодающим стал для него уже третьим по счету. За плечами была не только царская Таганская тюрьма, но и арест в 1919 г., когда Осоргин попал в ВЧК. Ему тогда повезло – выпустили: благодаря заступничеству Л.Б. Каменева. Осоргин просидел на Лубянке два с половиной месяца. «Я совсем опух, отек, кашлять стал: и вообще в те дни надломил надолго здоровье» [13, с. 119]. Снова

выпустили – на сей раз помогло заступничество А.В. Луначарского. Наказание оказалось достаточно легким – «всего лишь» ссылка в Царевококшайск (Йошкар-Олу), однако ему удалась «осесть» в Казани. Весной 1922 г. Осоргину было разрешено вернуться в Москву. Болел – костный туберкулез прогрессировал неумолимо. Жил на съемной даче, в Барвихе. Никакой публичной, общественной деятельности не вел. Вроде бы поводов для интереса «органам» не давал. Но маховик борьбы с неугодными и неблагонадежными продолжал раскручиваться. И малого повода, вернее – предложения, было вполне достаточно. Вот, что стало причиной внимания органов: письмо-обращение английского Комитета помощи русской интеллигенции, подшитое к делу. Письмо – декларация о намерениях и способах их реализации – вызвало резкое раздражение партийно-государственного руководства. Для того чтобы понять – почему, имеет смысл процитировать его подробно:

«Август 1922 г.

Наш комитет, имеющий своей целью оказание помощи русской интеллигенции, был образован в середине июня с.г. по инициативе нескольких русских, проживающих в Лондоне. В состав Комитета инициаторы включили лишь нескольких русских, найдя по местным условиям более целесообразным, чтобы комитет состоял в своем большинстве из англичан, пользующихся достаточно солидной репутацией в широких кругах английского общества. Свою, чисто гуманитарную деятельность, – оказание помощи терпящим русским интеллигентам – Комитет полагает осуществлять только одним путем – путем отправки продовольственных посылок через Американскую администрацию помощи (АРА), надеясь избежать этим возможной конкуренции с другими благотворительными организациями (“Фонд спасения детей”, “Красный крест”, “Квакеры”), работающими в России.

Комитет хотел бы обслуживать самые различные круги русской интеллигенции – не только особенно квалифицированной (профессора, ученые, писатели), но и главным образом рядовой, выносящей на своих плечах всю тяжесть ежедневной культурной работы (учителя, врачи, инженеры, агрономы, статистики, артисты, художники, музыканты, литераторы, юристы, земские и городские работники и пр.).

Просим для эффективности и расширения содействия со стороны различных групп интеллигенции внутри России. Это содействие должно выражаться:

а) регистрации каждой профессиональной группой своих нуждающихся членов,

б) снабжении нашего Комитета конкретными жизненными материалами, свидетельствующими, что помощь ряду интеллигентных семейств действительно является необходимым условием поддержания и сохранения русских культурных сил,

в) согласии систематически сноситься с Комитетом по вопросам распределения посылок, давая Комитету адреса таких лиц, которые нуждаются в помощи продовольствием» [14, АСД, р-41982, л. 17–18].

Очередное проявление активности «оттуда», трактовалось как гуманитарная диверсия («Комитет хотел бы обслуживать самые различные круги русской интеллигенции» – см. выше), как акция дискредитации соввласти, вернее ее отношения к «культурным силам» (Комитет просил регистрировать нуждающихся и представлять доказательства) и «прикармливание» чуждой советскому строю интеллигенции. И более того – как попытку легализации возможности шпионажа.

К письму приложен список лиц в Москве, которым было послано это письмо: в перечне – сплошь знаменитые имена – Нейгауз, Станславский, Гнесина, Ильин, Шаховской... и – Осоргин [14, АСД, р-41982, л. 20].

Дома его не обнаружили – застали лишь жену, сказавшую, что он за городом, но адреса не назвавшую. Узнав о визите чекистов, Осоргин явился на Лубянку сам. «Я, едва узнав о вызове меня, немедленно сам явился к следователю, несмотря на свое крайне болезненное состояние (туберкулез позвоночника). Содержание под стражей могло бы меня убить... Ввиду этого решительно отвергаю обвинения, прошу не применять в отношении меня мер пресечения. По первому вызову явлюсь сам. Осоргин.» [14, АСД, р-41982, л. 8].

Колоритна анкета арестованного: «Живу литературным трудом...ничего не имею...беспартийный...аполитичен...» [14, АСД, р-41982, л. 5].

Первый же допрос являет собой столкновение двух миров:

«Вопрос: Скажите ваши взгляды на структуру Соввласти и систему пролетарского государства.

Ответ: Вообще я сторонник федеративной республики, как человек, чуждый политике и занимающийся уже более 25 лет исключительно литературой, затрудняюсь детально обсуждать такой сложный и общий вопрос как структура власти в пролетарском государстве. Лично всегда был лоялен в отношении власти Советов и считаю ее прочной и укрепившейся.

Вопрос: Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой “общественности”.

Ответ: Считаю, что интеллигенция может и должна работать во имя культуры народа, каждый на своем поприще. Знаю, что она не всегда это осуществляет.

Вопрос: Ваши взгляды на политические партии вообще и к РКП в частности.

Ответ: Как писатель решаю вопрос о партиях и партийности для себя отрицательно и потому очень мало интересуюсь программой и тактикой партий и совершенно не берусь судить о правоте и преимуществах партийных программ. Считаю... вообще лучшей ту партию, при которой лучше жить народу» [14, АСД, р-41982, л. 6].

Подобные размышления следователя никак не интересовали: более в материалах дела никаких актуальных политических, тем более мировоззренческих сюжетов нет. Как нет и попыток в чем-то «уличить» обвиняемого», чем-то его «раскрыть». Собственно и весь допрос был сугубо протокольной – в прямом и переносном смысле – необходимостью. Не более того. Скорость ведения следствия была пропорциональна безапелляционности – тоже в прямом и переносном смысле – предрешенности итога.

«Постановление

1922 года августа 22 дня я, помощник начальника IV отделения СОГПУ, Бахвалов рассмотрев дело об Осоргине М.А.

Постановил:

привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в том, что он с Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской властью, но и ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й УК РСФСР.

Как меру пресечения уклонения от суда и следствия Осоргина М.А. избрать содержание под стражей. 22 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 7].

Осоргин пытается протестовать: «По поводу предъявленного мне обвинения заявляю, что не только не признаю себя виновным, но совершенно не понимаю, чем вызвано обвинение и почему могло обо мне, литераторе, давно уже никакой политической деятельностью не занимающемся, составить такое мнение. Антисоветской деятельностью я не занимаюсь, и не могу заниматься, занимаюсь исключительно художественной литературой, чуждой политической окраски» [14, АСД, р-41982, л. 8].

Но следователя мало интересовали признания и протесты обвиняемого, вернее – приговоренного. Алгоритм был простым, быстрым и безоговорочным. Он на этот раз не предусматривал ничего иного, кроме высылки.

«В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Осоргина М.А. полагаю выслать его из пределов РСФСР за границу БЕЗСРОЧНО *(так в документе – Ю.К.)*.

Принимая во внимание заявление, поданное гр. Осоргиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, – освободить его для устройства личных и служебных дел на 7 дней, с обязательство по истечении указанного срока явиться в ГПУ и немедленно после явки выехать за границу.

25 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 23].

Перед тем, как выпустить, в Секретном отделе ОГПУ с Осоргина взяли подписку:

«Дана мною, гражданином Осоргиным М.А., СОГПУ в том, что обязуюсь 1) выехать за границу согласно решению Коллегии ГПУ за свой счет, 2) в течение 7 дней после освобождения ликвидировать все свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы, 3) по истечении 7 дней обязуюсь явиться в СОГПУ к начальнику IV отд. тов. Решетову.

Мне объявлено, что неявка в указанный срок будет рассматриваться как побег из-под стражи со всеми вытекающими последствиями.

Москва. 22 августа 1922 г. М. Осоргин» [14, АСД, р-41982, л. 11]

И последний бюрократический штрих: еще одна подписка, теперь – о «невъезде»:

«Подписка.

Дана сия мною гр. Осоргиным М.А. ГПУ в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Сов. власти.

Статья 71-я УК РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания мне объявлена, в чем и подписуюсь.

22 августа 1922 г. М. Осоргин» [14, АСД, р-41982, л. 12].

И вот, с набережной Невы, от той самой пристани, где была пришвартована 25 октября 1917 г. «Аврора», отчалил «философский пароход».

О последних мгновениях, когда еще был виден «отплывающий берег России», но вскоре он исчез навсегда, и, присоединившись к своим спутникам, Осоргин предложил тост: «За счастье России, которая нас вышвырнула!» [11, с. 216]. Ему и другим пассажирам «философских пароходов» предстояла встреча с соотечественниками, уехавшими ранее и по своей воле.

Из архивного следственного дела:

«Вопрос: Ваши отношения к перспективе русской эмиграции за границей.

Ответ: Отрицательное отношение. Считаю, что большая часть эмигрантов потеряла связь с родиной, крайне деморализовалась и о России имеет самые превратные понятия.

22 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 6 об.].

Он не кривил душой в диалоге с лубянским следователем. Уже находясь вне России, тесно «соприкоснувшись» с миром русской эмиграции, он имел возможность проверить свои «заочные» представления о ней. Осоргин понимал, что его позиция равно далека и от советской, и от эмигрантской. И последовательно, хотя и несколько идеалистично, писал о необходимости «духовного сближения с новой Россией», о «духовном возвращении» [12]. Не принималось и его убеждение в единстве русской литературы, «находящейся» по обе стороны границы: «Алданов, Булгаков, Бунин, Горький, Замятин, Куприн, Леонов, Ремизов, Федин – все они наши» [10]. Увы, тогда услышан, понят не был.

С полным правом Осоргин мог сказать о себе: «Вспоминая свои тюрьмы, ссылки, допросы, суды, всю историю насилий и издевательство, каким можно подвергнуть человека мысли независимой,

в сущности, довольно ленивого и не заслуживающего такого внимания, я не думаю, чтобы погрешил слабостью или сдачей, или проявил себя малодушным, или попытался скрыть свои взгляды и смягчить участь сделкой с совестью. Этого не было» [6, с. 235].

М.А. Осоргин реабилитирован 26 марта 1993 г. на основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. [14, АСД, р-41982, л. 26].

Список литературы и источников

1. Авдеева О. Лучшие на свете книги пишутся большими сердцами // Осоргин М.А. Времена: автобиографическое повествование и рассказы / под ред. И. Артемова. Пермь: Книжная площадь, 2009.

2. Власть народа. 1917. № 152. 26 октября.

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1966. Т. 53.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1966. Т. 44.

5. Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3.

6. Осоргин Мих. Времена. Париж: Imprimerie ALON, 1955.

7. Осоргин Мих. Девятьсот пятый год (к юбилею) // Современные записки. Париж, 1930. № 44.

8. Осоргин Мих. Книжная лавка писателей // Новая русская книга. Берлин, 1923.

9. Осоргин Мих. Николай Иванович // На чужой стороне. Берлин – Прага, 1923. № 3.

10. Осоргин Мих. Советская литература // Последние новости. 1930. № 3319. 24 апреля.

11. Осоргин Мих. Тем же морем // Современные записки. 1922. № 13.

12. Осоргин Мих. Требуется ланцет // Последние новости. 1925. № 1691. 28 октября.

13. Осоргин Мих. Чтобы лучше ощущать свободу (Из «Воспоминаний») // На чужой стороне. 1924. № 8.

14. ЦА ФСБ РФ. АСД. Р-41982.

Научное издание

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПРИКАМЬЕ В 1920–1950 гг.
ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ**

Материалы
IV Всероссийской научно-практической
конференции

(Пермь, 30–31 октября 2019 г.)

Редактор и корректор *М.Н. Афанасьева*

Подписано в печать 22.04.2020. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ № 21/2020.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.